

А.Н. Коробова

САТИРА В ПОВЕСТИ ФЭН ЦЗИЦАЯ «КРОХОТНЫЕ “ЗОЛОТЫЕ ЛОТОСЫ”»¹

Аннотация: Фэн Цзицай (р. 1942) – один из самых известных современных китайских писателей, он также прославился как художник и каллиграф. В данной статье рассматриваются сатирические приемы в его повести «Крохотные “золотые лотосы”» (букв. «Золотые лотосы длиной в три вершка» 三寸金莲, 1986). «Золотыми лотосами» называли маленькие женские ступни, которые по китайским эталонам красоты полагалось бинтовать. Возникновение обычая бинтования ног привело к появлению ряда традиций и возникновению отдельного направления «науки» – «лотосоведения» 莲学, которое повлияло на эстетические представления китайцев о женской красоте. Острые авторской сатиры направлено прежде всего против этой лже-эстетики как фактора эстетизации насилия. Кроме того, приводится перевод 4 и 5 глав повести, ранее не переводившейся на русский. Четвертая глава повести почти полностью посвящена дискуссии «знатоков лотосов», которая проходит в преддверии состязания на лучшие забинтованные ножки (описанного, в свою очередь, в пятой главе). Ложь и подтасовка фактов среди мужчин с целью прослыть лучшим знатоком «золотых лотосов», обман и всевозможные уловки среди женщин в борьбе за первенство – явная социальная сатира автора.

Ключевые слова: Фэн Цзицай, современная китайская литература, сатира, «Крохотные “золотые лотосы”», бинтование ног

Автор: КОРОБОВА Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра изучения культу-

¹ Статья публикуется в составе избранных материалов XXVI Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, ИКСА РАН, 4–5 июня 2025 г.).

ры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0003-1536-4344; E-mail: korobova@iccaras.ru

Anastasia N. Korobova

Satire in Feng Jicai's novel *The Three-Inch Golden Lotus*

Abstract: Feng Jicai (b. 1942) is one of the most famous contemporary Chinese writers, he is known also as an artist and calligrapher. This paper examines his novel *The Three-Inch Golden Lotus* (三寸金莲, 1986), in particular, it examines the satirical techniques. "Golden lotuses" were the name given to small female feet, which, according to Chinese beauty standards, were supposed to be bandaged. The custom of foot binding led to the emergence of a number of traditions and a separate area of "science" – "lotus studies" 莲学, which influenced the aesthetic ideas of the Chinese about female beauty. The edge of the author's satire is directed primarily against this false aesthetics as a factor in the aestheticization of violence. In addition, a translation of chapters 4 and 5 of the novel, which have not previously been translated into Russian, is provided. The fourth chapter of the story is almost entirely devoted to the discussion of the "lotus experts" that takes place on the eve of the competition for the best bandaged feet (described, in its turn, in the fifth chapter). The lies and manipulation of facts among men in order to be known as the best expert on "golden lotuses", the deception and all sorts of tricks among women in the struggle for supremacy are the author's obvious social satire.

Keywords: Feng Jicai, contemporary Chinese literature, satire, *The Three-Inch Golden Lotus*, foot binding.

Author: Anastasia N. KOROBOVA, Ph.D. (Philology), Leading Research Associate, Head of the Chinese Culture Research Centre, Institute of China and Contemporary Asia, RAS (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0003-1536-4344; E-mail: korobova@iccaras.ru

Повесть Фэн Цзицая «Крохотные "золотые лотосы"» 三寸金莲 (букв. «Золотые лотосы длиной в три вершка») [冯骥才 1986] вызвала в литературных кругах немало споров. Она дважды была переведена на японский (1988 и 1999), на английский (1994) и немецкий (1994) языки, а также на вьетнамский (2006). На русский ранее не переводилась.

«Золотыми лотосами» называли маленькие женские ступни, которые по китайским эталонам красоты полагалось бинтовать. Обычай распространялся в средние века первоначально среди знати, но точное время

его возникновения является предметом дискуссий среди исследователей. Согласно наиболее распространенной версии, мода на бинтование ног началась с наложницы Яо-нян последнего правителя Южной Тан (937–975) Ли Хоу-чжу. Самое раннее свидетельство приводит историк Тао Цзунъи (1329–1412) в своей книге «Записки в свободное от полевых работ время» 辍耕录² (1366 г.), цитируя отрывок из несохранившегося труда неизвестного автора эпохи Сун «Хроники обители бессмертных» 道山新闻. Согласно данной цитате, Ли Хоу-чжу приказал ювелирам сделать золотой лотос вышиной в шесть *чи* (1 *чи* – 0,33 м) и украсить его драгоценными камнями, а Яо-нян велел забинтовать ноги шелком, придав им форму молодого месяца, и танцевать внутри лотоса. Она танцевала так изящно, что казалось, она уносится ввысь. С той поры все стали следовать ее примеру³.

Основываясь на труде Тао Цзунъи и других данных (в том числе археологических находках, изображениях женских ног на свитках и фресках, упоминаниях в литературных произведениях), ряд современных китайских историков полагает, что практика бинтования ног началась в эпоху Сун, но окончательно сложилась уже в эпохи Мин и Цин; причем если изначально ноги предполагалось только туго бинтовать, чтобы они выглядели более узкими, с течением времени кости четырех пальцев и стопы стали ломать для придания стопе иной формы. Поэтому выражение «золотые лотосы длиной в три цуня» 三寸金莲, обозначающее забинтованные ноги размером в 3 *цуня* (или 3 вершка, примерно 10 см) и ставшее названием повести Фэн Цзицая, появилось не в эпоху Сун, а значительно позже [邱端中 1993: 39–40].

Деформированные женские стопы и неустойчивая походка, возникавшая вследствие атрофии стоп и постоянной нагрузки на бедра при ходьбе, считались эротичными. Поскольку женщина с искалеченными ногами могла передвигаться самостоятельно с большим трудом, и, следовательно, могла покинуть дом только с посторонней помощью, «золотые лотосы» способствовали более жесткому акцентированию существующих гендерных ролей (доминированию мужчин и покорности женщин) и в то же время были символом высокого социального статуса и богатства.

² Вариант перевода – «Записки праздного». Труд в 30 цзюаней, посвященный законам, военному делу, обычаям и нравам, литературе и искусству эпохи Юань и в меньшей степени эпохи Сун. В 10-м цзюане один из подразделов назван «Бинтование ног».

³ Эту версию происхождения обычая бинтования ног без ссылки на источник приводит также Сидихменов, см.: [Сидихменов 1978: 295–296].

Действие повести происходит между 1890 и 1930-ми годами, то есть приблизительно в тот период, когда возникло движение против бинтования ног 放足运动 (фактически, однако, во многих семьях продолжали бинтовать ноги девочкам вплоть до образования КНР).

Данная повесть уже становилась объектом нашего исследования, в котором мы рассматривали ее основные мотивы – обман и иллюзию, а также анализировали повесть с точки зрения репрезентации травмы [Коробова 2025: 89–112]. Однако сатирическая составляющая повести в данной статье осталась практически не затронутой, а между тем этот аспект очень важен.

Дело в том, что возникновение обычая бинтования ног привело к появлению ряда традиций и возникновению отдельного направления «науки» – «лотосоведения» (莲学 *liánxué*), которое повлияло на эстетические представления китайцев о женской красоте. Острые авторской сатиры направлено прежде всего против этой лже-эстетики как фактора эстетизации насилия.

Главная героиня романа – девушка по имени Гэ Сянлянь 戈香莲 (Благоухающий Лотос) удачно выходит замуж за представителя богатой семьи Тун, поскольку для ее свекра, богатого владельца антикварной лавки, главным критерием женской красоты являются искусно перебинтованные ноги (именно по этому принципу он и выбрал невесту для своего старшего сына). Все мужчины в семье Тун — знатоки «золотых лотосов», питающие к ним «болезненное пристрастие». В Праздник середины осени, когда все по традиции любуются луной, у себя в усадьбе они проводят состязания на лучшие забинтованные ножки, приглашая местных знаменитостей, поэтов, художников и людей своего круга (антикваров). Но «в этой семье как в шахматной игре, маленькие ножки – фигуры, один неверный ход – и вся партия проиграна» [冯骥才 2004: 68]. В первом из таких состязаний Сянлянь проигрывает жене младшего брата мужа, что приводит к резкому падению ее авторитета в семье и даже ревизии семейной иерархии. Вся семья ополчилась на невестку: муж – за то, что она не оправдала его надежду стать обладательницей самых красивых «золотых лотосов», победившая конкурентка – с целью закрепить свое главное положение в семье, остальные невестки и члены семьи – из конъюнктурных соображений.

Параллельно с состязанием «бинтованных ножек» у мужчин идет свое соревнование: кто из них более эрудирован в данном вопросе. Четвертая глава повести, которую Фэн Цзицай почти полностью посвятил

дискуссии «знатоков лотосов», пронизана едкой иронией и сарказмом. Несмотря на внешнее соблюдение норм этикета, традиционное для старой китайской культуры самоуничужение, среди «знатоков лотосов» кипят нешуточные страсти. Это заметно прежде всего в диалогах хозяина усадьбы, антиквара Тун Жэньяня и гостя из провинции Шаньси Люй Сяньцина. Настроение Лю Сяньцина меняется в ходе дискуссии: если в начале диспута он доволен собой как признанный авторитет, которого все слушают, раскрыв рот, и надменно читает окружающим лекцию, то потом он смущается под напором хозяина, пытается «сохранить лицо», но вынужден признать свое поражение, что приводит его в уныние. Немного погодя, однако, он начинает мечтать о реванше. Накал страстей проявляется в манифестации эмоций («слова его так рвались наружу, что он аж подбородок задрал кверху»; «Люй Сяньцин уже вошел в раж и находился в таком возбуждении, что сорвался на крик»; «слова выскакивали из его рта словно горошины, подпрыгивающие на сковороде во время жарки» и др.).

В сущности, это стилизация научной дискуссии, т.е. комический эффект возникает в том числе и оттого, что в качестве пародируемого элемента выступает научный дискурс. Демонстрируя гротескное несоответствие предмета исследования и «степени разработанности проблемы» в глубокой древности, автор нещадно высмеивает лицемерные рассуждения «знатоков лотосов», представляет мужское увлечение забинтованными ногами как тошнотворный фетиш.

Свёкор главной героини и его окружение, ведущие долгие дебаты о принципах эстетической оценки бинтованных ножек и изображающие из себя утонченных ценителей женской красоты, на самом деле пытаются подвести теоретическую базу под свои извращенные представления о сексе. Их плотоядность отражена даже в выборе лексики: они постоянно сравнивают забинтованные ножки с чем-то съедобным: с *цзунцзы*⁴, рожками чилима (водяного ореха) и гусиными головами, удачно забинтованные ножки называют «дынными цукатами», «ломтиками огурцов» и «молодыми побегами бамбука», некрасивые ноги – «клубнями таро». Не случайно один из героев замечает, что поэтические названия «золотых лотосов» звучат аппетитнее, чем названия блюд в фирменном ресторане, где подают утку по-пекински.

⁴ *Цзунцзы* – кушанье из клейкого риса, завернутого в тростниковые или иные листья, имеет пирамидальную или коническую форму.

Участники дискуссии цитируют множество текстов, значимых для китайской культуры: «Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы»), «Исторические записки» Сыма Цяня, «Хань шу» («Книга [об эпохе] Хань», «История Хань»), стихи Бо Цзюйи и др. Но когда присутствующие сочли было, что заезжий «лотосовед» не уступает хозяину усадьбы Тун Жэньаню в теоретической подкованности в вопросах бинтования ног, Тун Жэньань бросает в бой «тяжелую артиллерию». В порыве отстоять свое первенство и «сохранить лицо» он жонглирует фактами и именами, читает якобы стихи эпохи Тан, «цитируя» не существовавших поэтов, и выдает героя древней поэмы *юэфу* «Павлины летят на юго-восток» Цзяо Чжунцина за реального поэта. Такое дерзкое обращение с классическим литературным наследием и низкий культурный уровень участников диспута, не позволивший им разоблачить ложь, – явная сатира на «знатоков лотосов». Так, например, Тун Жэньань переиначил строки *юэфу* «Павлины летят на юго-восток» 孔雀東南飛, известной также как «Стихи о жене Цзяо Чжун-цина» 焦仲卿妻詩. Приведем сначала отрывок, откуда он позаимствовал две строки:

鸡鸣外欲曙,
新妇起严妆。
著我绣夹裙,
事事四五通。
足下躡丝履,
头上玳瑁光。
腰若流纨素,
耳著明月珰。
指如削葱根,
口如含朱丹。
纤纤作细步,
精妙世无双。

Петух уж пропел. Наступила зоря.
Жена молодая надела наряд.
«Возьму только платье из ярких шелков,
Оставлю четыре иль пять сундуков.
Надену я на ноги туфли из шелка,
Горят драгоценные гребни над челкой,
И льется по талии шарф мой белый,
Серьгами в ушах луна заблестела,
А пальцы мои цвета свежего пня,
И киноварь точно во рту у меня.
Я легкой и стройной походкой иду
И в мире подобной себе не найду...»⁵

⁵ Известны две версии перевода этого произведения на русский язык – Ю.К. Щуцкого и Б.Б. Вахтина. См.: Стихи о жене Цзяо Чжун-цина – китайская поэма III века / Пер. с кит. и вступ. статья Ю.К. Щуцкого // Восток. Сб.1: Литература Китая и Японии. – М.–Л.: Academia, 1935. С.31–50 или «Павлины летят» / Пер. Ю.К.Щуцкого // Китайская литература: Хрестоматия. Т.1. – М., 1959. С. 200–209; Жена Цзяо Чжун-цина (Павлины в тишине летят на юг...) // Юэфу: Из древних китайских песен / Пред., пер. и примеч. Б.Б. Вахтина. – М.–Л., 1959. С. 67–79.

Далее он слегка видоизменил выделенные красным строки и выдал их за стихотворение Цзяо Чжунцина. Сравним строки из оригинального *юэфу* (1) и «цитату» в повести «Крохотные золотые лотосы» (2):

- 1 足下蹑丝履，...纤纤作细步
Zúxià niè sī lǚ, ...xiānxiān zuò xì bù
2 足蹑红丝履，纤纤作细头
Zú niè hóng sī lǚ, xiānxiān zuò xì tóu

С помощью этой манипуляции Тун Жэньань экспромтом сочиняет «цитату», утверждая: «у Цзяо Чжунцина также есть фраза: “Легко ступаю на цыпочках в алых шелковых туфлях с изящными, тонкими носками”. Это все о женщинах эпохи Тан, которые носят обувь с острыми носками». Это подделка цитаты, хотя и искусно выполненная – примечательно, что Тун Жэньань, официально торгующий антиквариатом, на самом деле занимается подделками предметов искусства, причем его подделки выполнены на таком высоком уровне, что их почти невозможно отличить от оригинала. Таким образом, мотив обмана, характерный для повести, здесь высвечивает сатиру против «знатоков лотосов», из-за действий которых в том числе женщины продолжают наносить себе увечья. Данный пример также свидетельствует о том, что текст насыщен аллюзиями и ориентирован в первую очередь на достаточно начитанного китайского реципиента (в противном случае сатира и ирония автора могут быть не понятны).

Разумеется, социальная сатира в повести заключается и в том, что сами женщины активно транслируют эту традицию последующим поколениям – своим дочерям и внукам. Им с детства внушают, что стоит потерпеть боль ради будущего благополучия. Как говорит одна из героинь повести маленькой Сянянь: «Помучиться ведь недолго надо. Сстиснешь зубы, и выдержишь. Как говорится, «муки ненадолго, краса – навсегда!» Когда у тебя маленькие, забинтованные ножки, всякий, кто на них взглянет, начнет их хвалить, а когда ты вырастешь, это гарантия, что тебя посватают и выдадут замуж, так ведь? Это гарантия почета и знатности, будешь жить в сытости и всю свою жизнь ходить в шелках!» [冯骥才2004: 26]. Женщины, таким образом, по версии автора, обменивают насилие над собой на социальный капитал.